

детельство. Оно содержится в многократно исследовавшейся новелле 922 г., восстанавливающей право предпочтения.

Новелла отмечает, что это право (которое само по себе является типичным атрибутом патрионии) распространяется по нисходящей линии на концентрические круги односельчан. В первую очередь этим правом обладают родственники, и это доказывает, что источником права *protititias* являются кровнородственные связи. Но еще более характерно то, что во втором круге лиц находятся «соучастники», крестьяне, владеющие сообща «одним и тем же недвижимым имуществом, хотя бы оно было потом. . . разделено на отдельные участки»⁵⁶. Здесь все — и совместная собственность на землю, и возможность раздела, не исключающего сохранения общего владения, и самое название «соучастники» (ср. *consortes, participes, «дионики»*) — свидетельствует о патрионическом характере отношений. Вот почему, на мой взгляд, совершенно прав М. Я. Сюзюмов, утверждающий, что новелла 922 г. о праве предпочтения закрепила один из пережитков родового строя, принесенного славянами на территорию империи. Отражением этих принесенных славянами родовых отношений и являются градации в системе предпочтения, которых не знала византийская действительность IV—V вв.⁵⁷

Разумеется, проблема патрионии в византийской деревне нуждается в дальнейшей разработке, здесь же она может быть только поставлена⁵⁸. Но уже сейчас, как кажется, можно говорить о том, что сравнительное исследование византийских и южнославянских аграрных порядков открывает новые интересные перспективы.

М. М. Фрейденберг

РЕЦЕНЗИИ

А. П. КАЖДАНА. ДЕРЕВНЯ И ГОРОД В ВИЗАНТИИ IX—X вв.

Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960. Изд-во АН СССР

Перед нами — большая монография автора, хорошо знакомого византинистам как Советского Союза, так и зарубежных стран. Эта монография — плод многолетних исследований автора, ряд положений которого уже известен читателям «Византийского временника»¹. Прежде чем приступить к анализу социально-экономических отношений в Византии IX—X вв. А. П. Каждан проделал колоссальную работу по изучению нарративных источников этого периода. К сожалению, эта источниковедческая работа не включена в данную монографию².

Работа А. П. Каждана посвящена внутреннему строю Византии от конца IX до конца X в. Эта эпоха, как правильно ее расценивает автор во введении, является критической в истории Византии. Внутренняя история Византии в этот период никогда не была предметом специального монографического исследования. Между тем именно эту эпоху можно назвать временем массового закабаления свободного крестьянства, что характерно для завершения процессов феодализации и начала оформления феодальных институтов, отражающих специфику византийских условий. Это была эпоха наивысшей степени влияния византийской цивилизации как на западные, так и на восточноевропейские страны. Разумеется, дать монографию по истории этой эпохи в целом — дело будущего. Работа А. П. Каждана не имеет в виду пол-

⁵⁶ Цит. по: «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 156.

⁵⁷ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. ВВ, VII, 1960, стр. 13, прим. 27.

⁵⁸ О патрионии в хорватской деревне в форме коллектива «вервных братьев» см. М. М. Фрейденберг. «Вервь» в средневековой Хорватии. «УЗ Великолукского пед. института», вып. 15, 1961, стр. 27—47.

¹ См. статьи А. П. Каждана: «Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв.» (ВВ, VI, 1953); «Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв.» (ВВ, VIII, 1956); «К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв.» (ВВ, X, 1956); «Формирование феодального поместья в Византии X в.» (ВВ, XI, 1956); «Василики как исторический источник» (ВВ, XIV, 1958); «Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. (по поводу работы П. Лемерля)» (ВВ, XVI, 1959).

² Частично работа над источниками опубликована: см. «Хроника Симеона Логофета» (ВВ, XV, 1959); «Две византийские хроники X века». Изд-во Восточной литературы. М., 1959 (перевод жизнеописания патриарха Евфимия с подробными комментариями и обстоятельной вводной статьей).

ного изучения эпохи во всей сложности взаимодействия базиса и надстройки византийского общества, но работа касается наиболее важных проблем внутренней истории — истории деревни и города с их своеобразными особенностями и в их развитии. Автору пришлось столкнуться с рядом трудностей, поскольку в исторической зарубежной и советской литературе имеется немало отдельных теорий об особенностях социально-экономического развития Византии, взаимно противоречивых и иногда внутренне непоследовательных. А. П. Каждан сделал попытку дать единую концепцию социально-экономических отношений того времени. Эта концепция нам не кажется во всех деталях приемлемой, однако появление такой монографии — крупное событие в истории византиноведения; эта работа, можно сказать, представляет собой начало нового этапа в подходе к изучению процессов феодализации Византии — параллельного изучения развития феодальных отношений как в деревне, так и в городе.

В монографии А. П. Каждан ставит своей задачей полный пересмотр вопроса о генезисе феодального строя в Византии, причем заостряет внимание на специфике процесса феодализации Византии. Со всей тщательностью автором изучаются проблемы развития общины, крупного землевладения, города, роли политических институтов. Историкографический обзор приводится в начале каждой главы и отличается исключительной глубиной анализа: дается не только критика неправильных исходных положений и выводов, но и отмечается то новое, что вносилось определенными историками в византиноведение. Исключительно ценны исследования становления отдельных феодальных институтов и роли их в процессе завершения закабаления крестьянства (например о роли в формировании феодальных отношений предоставления солемнии, арифмоса, экскусии). Эрудиция автора поразительна: повсеместно в монографии автором дается полная картина состояния исторической науки по затронутому вопросу. В этом отношении труд А. П. Каждана представляет собою особую ценность. Если даже и не соглашаться с автором относительно некоторых обобщений и отдельных деталей, то во всяком случае любая проблема изучена автором с привлечением всего имеющегося в мировом византиноведении материала.

В монографии дается острая, но вполне заслуженная критика некоторых концепций буржуазного византиноведения. Все исследование А. П. Каждана построено на строго марксистских позициях и отражает современную стадию развития исторической науки в СССР.

Монография начинается введением, в котором автор определяет цели своей работы. Он считает необходимым опровергнуть представление о мощи византийских городов в X в., а также отвергнуть обычно признаваемый факт попыток византийского правительства сохранить мелкое крестьянское землевладение. Он стремится показать, что, наоборот, Византийское государство играло активную роль в процессе феодализации и закабаления крестьянства (стр. 13). С другой стороны, отвергая все существующие теории специфики византийского феодализма, автор поставил своей целью выяснить действительные основы социально-экономического своеобразия Византии.

А. П. Каждан противопоставляет советское византиноведение зарубежному с точки зрения признания существования феодализма в Византии. Проблема трактовки византийского феодализма в западной историографии требует своего исследователя. Во всяком случае автор слишком прямолинейно и схематично подошел к этому вопросу. Если, например, вспомнить Гфререра, то он в полном соответствии с господствовавшей в 70-х годах XIX в. теорией германского происхождения феодальных институтов считал, что византийцы познакомились с ними благодаря готским наемникам еще во времена Позднеримской империи и что в Византии X в. существовали такие же ленные отношения, как и на Западе, такие же процессы поглощения мелкой собственности, такие же тенденции к феодальной раздробленности³. И в настоящее время вопрос о византийском феодализме (конечно, с немарксистских позиций) в буржуазной историографии Византии отнюдь не решается в отрицательном смысле. Так, Хауссиг считает, что феодальные институты в Византии, как и на Западе, развивались самостоятельно, независимо от влияния крестоносцев; при этом он сравнивает Византию X в. с Германией X—XI вв.⁴

А. П. Каждан дает во введении краткую характеристику источников. В отношении значения юридических документов автор придерживается совершенно необъяснимой позиции: он, видимо, отвергает самую возможность считаться с репейшей права. Если положения права сформулированы в иной обстановке, то они, по мнению А. П. Каждана, не подлежат рассмотрению как источник для историка (стр. 15, прим. 40). Но законодательство представляет собой сконцентрированную волю господствующего класса; в интересах находящейся во главе государства прослойки оно предписывает соблюдать такие нормы поведения, которые выгодны для данного

³ А. F. G f r ö r e r. Byzantinische Geschichten, II. Graz, 1877.

⁴ Н. W. H a u s s i g. Kulturgeschichte von Byzanz. Körnertaschenausgabe, 211. Stuttgart, 1959.

класса в целом, независимо от того, как и когда сформулировано данное положение права. Автор пишет: «... прямой смысл норм Василик уводит нас в далекое прошлое». Это неверно: прямой смысл норм Василик — охрана частной собственности, нерушимость обязательств, объединений, семейных отношений; раз они были приняты, они так или иначе влияли на жизнь. Известно, что устаревшие законы, которые изданы в иной обстановке, тормозяще действуют на культурное и хозяйственное развитие страны. Если принять метод автора, роль устаревших законов можно игнорировать только потому, что «прямой их смысл» отводит в далекое прошлое. Автору следовало бы в своей работе более тщательно исследовать, насколько соблюдались нормы Василик судьями, нотариусами, церковниками по разделам церковного права. Но именно этот вопрос затрагивается лишь мимоходом.

Автор начинает изложение с главы «Общинная собственность». Уже первая фраза вызывает возражение: «Исходным моментом развития феодальных отношений является разложение общины». Нам кажется, что прав Ф. Энгельс, который считал, что община-марка продолжала существовать в период всего феодализма, хотя и под господской опекой! Видимо, нужно говорить не о разложении общины, а о ее развитии вплоть до общины-марки с частной собственностью на пахотные участки, а в некоторых местностях вплоть до создания сильной городской средневековой общины — там, где село переходило в город. Не обязательно связывать общину с общинным землевладением: наиболее мощной общиной можно считать средневековый город-коммуна, который вовсе не был построен на общинной собственности, но был объединением частных собственников, сплоченных благодаря производственным интересам.

Критикуя на стр. 24 Б. Панченко за то, что личное и общинное владения представлялись ему взаимоисключающими явлениями, автор не замечает, что в дальнейшем он впадает в подобную же ошибку. А. П. Каждан никак не может совместить возможность существования сельской общины с наличием полной частной собственности на землю; он не считает возможным, что при наличии общинной собственности на часть сельской территории (*τόπος ἀμέριστος*) пахотная земля может принадлежать на началах римского права частным собственникам (это непонимание приводит к тому, что в прим. 22 на стр. 29 автор недоумевает, как можно увязать представление о сильной сплоченности византино-славянской общины с признанием определяющего влияния римского права). Автор никак не хочет признать, что сплоченность трудящихся определяется вовсе не формой собственности, а производственными интересами и что в тот период, когда основным типом хозяйства было мелкое единоличное производство, именно хозяйство частных собственников при наличии общинной неподеленной территории и являлось наиболее соответствующим технике сельского хозяйства VIII—X вв.

Совершенно бездоказательным является утверждение, что на Востоке, в Византии, римское влияние сказалось в меньшей степени, чем в Галлии, что римское влияние не смогло уничтожить старых доэллинистических форм общинной собственности (стр. 23). Нам непонятно, как влияние римского права в ранней Византии, ставшей центром кодификации права, могло быть слабее, чем на Западе, как в стране, где товарное хозяйство по сравнению с Западом было гораздо более развито, где существовала строгая бюрократическая система, как там, несмотря на все перемены, оставалась неизменной примитивная доэллинистическая форма собственности? Где документы о господстве в деревне такой «доэллинистической» собственности в V—VI вв.? Отсюда, по нашему мнению, вытекает самая существенная ошибка автора. При анализе византийской общины VIII—IX вв. он исходит от предполагаемых им гипотетических доэллинистических отношений и совершенно игнорирует влияние четко сформулированных положений действующего права, которое вытекало из наличия относительно развитого товарного хозяйства в восточной половине Римской империи. Это многовековое влияние права, защищающего неприкосновенность частной собственности, нельзя не учитывать при определении специфики византино-славянской общины. Исходя из априорного положения о нерушимости доэллинистических отношений, автор приходит к выводу, что в Византии крайне медленно развивалась частная «аллодиальная» собственность. Как можно говорить это о Византии? Ведь ни в одной стране понятие о частной собственности не было так четко сформулировано, как именно в Византии!⁵ Автор совершенно упускает из виду факт существования в IV—VI вв. м и т р о к о м и и, которая, судя по названию, была институтом даже не римского, а местного права. А из законодательных источников совершенно ясно, что собственность на землю в митрокомах была частная и что правительство искусственно стремилось приостановить распродажу крестьянами земель лицам, не входившим в митрокомии. Спрашивается, куда девались митрокомии? Нам кажется, что при анализе византийской общины VIII—X вв. необходимо исходить именно из порядков митрокомии, иначе мы рискуем оторваться от местных условий, которые, безусловно, нельзя сбрасывать со счета при анализе. Автор признает, что продажа земли имела место в византийской общине, однако добавляет, что эти факты были крайне редкими.

⁵ Cod. Just., VII, 25.

Это утверждение совершенно не аргументировано. Раз существовала уже цена на земельный участок (как мы можем вывести из текста Земледельческого закона), то можно предположить, что факты продажи были обычным явлением.

Но может быть, крестьянская община в Византии под влиянием славян деградировала? Нам кажется это невероятным. Славяне, как неопровержимо показала советская наука, находились на относительно высокой ступени развития сельскохозяйственной техники и мало чем отличались от византийских земледельцев. Славянское влияние внесло изменения в отношения между членами общины, укрепило устойчивость общины привнесением некоторых элементов кровнородственных отношений. Но поскольку славяне не смогли захватить государственную власть, сломить форму собственности они не были в состоянии. Наоборот, высокий уровень развития сельского хозяйства у славян делал их самих восприимчивыми к институту частной собственности. Конечно, то, что было в Болгарии или Сербии, где славяне уничтожили византийскую государственность, не может быть распространено на чисто византийские местности, где все время сохранялась власть централизованного государства, защищавшего частную собственность.

Положение о влиянии кровнородственных уз славянской общины на византийскую вполне аргументировано автором: в византийских документах действительно часто встречаются факты сохранения после смерти главы семьи неразделенного хозяйства многих членов семьи с их долями в хозяйстве, что и привело к понятию *ἀνακοινωνίας* и к особым правам лиц, обладающих *ἀνακοινωνήσεως*. Совершенно правомерно автор говорит о наличии в деревнях неподеленной территории: любая община, будь то село или средневековый город-коммуна, имела неподеленную, принадлежавшую общине, как юридическому лицу, землю. Но это ни в коей мере не решает вопроса об общинной собственности на пахотную землю, поделенную на участки! Между тем автор прилагает особые усилия, чтобы доказать полное отсутствие частной собственности на землю в византийской деревне. На стр. 41 он ссылается на высказывание К. Маркса о дуализме общины⁶, но эта ссылка не совсем удачна. Автор не замечает, что этот дуализм К. Маркс относит только к первичной общественной формации, но что во вторичной формации, т. е. при рабовладельческом и крепостническом строе, община земледельческая является переходной фазой от общества, основанного на общинной собственности, к обществу, основанному на частной собственности, и что результатом дуализма может явиться либо победа собственнического начала над коллективным, либо последнее одержит верх над первым, а это зависит от исторически сложившихся условий. Нам кажется, что именно в Византии условия как раз складывались так, что собственническое начало уже в IV—VI вв. одержало верх над коллективным в земледельческой общине. А. П. Каждан считает, что община VIII—X вв. качественно отличалась от позднеримской тем, что в ней не было уже переделов. Но были ли переделы в ранневизантийской общине IV—VI вв.? Судя по смыслу закона Льва и Анфимия 468 г., можно с уверенностью сказать, что никаких переделов в византийской митрополии не было.

Существенным отличием от позднеримской общины А. П. Каждан считает наличие в византино-славянской общине «права на чужую землю». Однако вряд ли можно считать, что законодательство о византийской общине в VIII—X вв. так резко отличалось от норм Юстинианова права, как полагает автор. Все «права на чужую землю» входят в основном в положения о сервитутах, в том числе *servitus rascendi*. А понятие «суперфициес» вполне соответствует римскому, поскольку в Юстиниановом праве суперфициес вовсе не полная собственность землевладельца на то, что построено на его земле; суперфициес, если оно возникло *bona fide*, представляет собой своеобразное пользование, институт *sui generis*. Отдельные казусы вполне объяснимы с точки зрения норм Юстинианова права. Думается, что нет необходимости останавливаться на «праве» съезть яблоко в чужом саду. Никакого такого «права» не было. Хозяин мог не пустить нежеланных гостей, что и делалось сторожами. Единственное, о чем говорило это «право», так это о том, что нельзя было привлечь к ответственности как вора человека, съевшего фрукт с чужого дерева.

Как аргумент в пользу признания наличия общинной собственности автор выдвигает также тезис о том, что в византийской общине факт длительного владения был более важен, чем титул собственности. Однако если это и встречалось в судебной практике, то это вовсе ничего не говорит ни об отсутствии частной собственности на землю, ни об отличии от положений Юстинианова права. В приведенном примере Калоян проиграл дело, поскольку документов о праве собственности он представить не мог, а факт владения признавался за его противником, и суд ни в чем не отступил от закона *uti possidetis*⁷.

На стр. 87 автор пишет: «Нам представляется произвольной попытка П. Лемерля утверждать, что по повелле Романа II хресис переходил к общине». Но ведь

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 695.

⁷ Dig., XLIII, 17; Cod. Just., VIII, 6.

об этом говорит не Лемерль, а Роман II (πρὸς τὴν κοινότητα ἢ τῶν τόπων ὑρῆσις). По смыслу данной новеллы вовсе нельзя признать наличие верховной собственности на землю за общиной. Наоборот, нужно прийти к выводу, что собственность на землю была частная, но что в некоторых случаях пользование передавалось общине, которая и распоряжалась участками при особой акцентировке, что собственность остается за прежним хозяином⁸. Нам кажется неправомерным рассуждение на стр. 38 об отсутствии деликта в случае работы на чужом участке земли. Нигде аграрные тяжбы под *actio furti* не подходили, поэтому наказания за аграрные деликты являлись *sui generis*.

Таким образом, на наш взгляд, положения о наличии общинной собственности недостаточно аргументированы автором и сплоченность общины нужно объяснять не наличием определенной формы собственности, а наличием общих производственных интересов. Поэтому вряд ли можно говорить о том, что в Византии «аллодиальная» собственность складывалась медленно (стр. 174). Мы считаем более вероятным признание обратного, а именно, что Позднеримская империя и Византия были классическими странами частной собственности.

В заключении к первой главе (стр. 56) автор делает вывод: «На процесс феодализации в Византии наложили отпечаток два обстоятельства: длительное сохранение рабовладельческого уклада и сила государственного аппарата». Это совершенно верно, но, если говорить о специфике византийского процесса феодализации, нужно иметь в виду основную причину обоих упомянутых обстоятельств; именно, что феодализм в Византии развивался не прямо от разлагающегося родо-племенного общества, а на базе многовекового рабовладельческого общества с развитым товарным производством, т. е. византийский феодализм возник на базе уже укрепившегося господства частной собственности. Между тем А. П. Каждан рассуждает так, как если бы византийская община прямо произошла от первобытной, игнорируя влияние того права, которое явилось следствием развития рабовладельческого общества.

Вторая глава монографии посвящена анализу крупной земельной собственности и формированию феодальной зависимости. Содержание главы неопровержимо доказывает, что X век был в Византии веком «аграрного переворота». Автор [показал, что в VIII—середине IX в. еще не было особенно крупной земельной собственности — ни светской, ни церковной. Попутно он подчеркнул, что мнение о закреплении патриархских крестьян митрополий св. Андрея неправильно: эти крестьяне только обязались выполнять государственные повинности, лежавшие до того времени на патриархской митрополии (стр. 66)]. Резкое изменение положения крестьян отмечается автором только со второй половины IX в.: именно тогда появляются крупные земельные владения, причем они обрабатываются первоначально при помощи рабов и мистиев.

Автор считает середину IX и X в. временем рецидива рабовладельческих отношений, что и привело, по его мнению, к рецепции права Юстиниана в Прохироне и Василиках. Здесь мы не можем согласиться с автором: положения о рабах, сформулированные в Эклоге, ничуть не отличаются от положения Юстинианова права. В отношении статуса рабов положения римского права вовсе не отмирали в Византии. Рецепция относилась не к восстановлению статуса рабов и вольноотпущенников, а к фиксации норм, характерных для более развитого товарного хозяйства.

В главе ярко показано становление форм зависимости непосредственного производителя от землевладельца. Однако проследить прямое превращение освобожденных рабов (вольнотпущенников) в зависимых крестьян по византийским источникам автору не удалось. Приводимые примеры вовсе не говорят о превращении освобожденных рабов в крепостных. Их закрепощение — результат дальнейших мероприятий со стороны знати!

Но в основном А. П. Каждану удалось показать, что в X в. сформировалась не просто крупная земельная собственность, а именно феодальная.

В третьей главе автор рассматривает роль государства в процессе феодализации. В основе анализа лежит общее положение о том, что государство по своей классовой природе не могло вести действительной борьбы против крупного землевладения. Автор стремится показать роль государства как органа насилия, ускорившего процесс феодализации (стр. 127). Разумеется, поскольку процесс феодализации Византии был закономерен, это положение в основном правильно. Однако историку этого недостаточно для анализа политики государственной власти. Вопрос заключается в том, какому пути феодализации государство оказывало поддержку, каким формам закабаления трудящихся государство противодействовало, поскольку отдельным прослойкам господствующего класса формы закабаления были далеко не безразличны. Смотря по тому, какая прослойка эксплуататоров находилась во главе госаппарата, политика государства могла либо сосуществовать закономерному развитию феодализации, либо временно его задерживать. Необходимо также учесть возможность и даже неизбежность маневрирования государственной власти ввиду постоянной борьбы между суще-

⁸ Jus, III, p. 283.

ствовавшими в Византии двумя группировками господствующего класса, а также под давлением выступлений низов. Политика государственной власти на определенном ограниченном временем этапе не может трактоваться столь схематично, как это делает автор.

Переходя к вопросу о государственной собственности, А. П. Каждан совершенно правомерно не видит разницы между понятиями «казенная земля» и «императорская земля»: и та, и другая были государственной собственностью, которой бесконтрольно распоряжался император.

Естественно, что в данном отношении государство выступает не как суверен, а как землевладелец — организатор хозяйственной эксплуатации трудящихся. Нам кажется, что разница между казенной землей и землей императорской, тем не менее, была: императорские поместья — это имения с организованным хозяйством, а казенные земли — это земли главным образом из конфискованных, земли, которые считались собственностью казны, но где казна не вела своего хозяйства. Совершенно неожиданно и в противоречии со сказанным о разделении земли на императорскую, казенную и частновладельческую А. П. Каждан выдвигает положение о том, что вся недвижимость в Византии считалась собственностью государства. «Византийская юридическая теория рассматривала землю как собственность государства, а всякого землевладельца как держателя государственной земли, обязанного выполнять государственные повинности» (стр. 186—187). Такой юридической теории не было в Византии. Если об этом и говорилось юристами II в. применительно к провинциям, то со времени *Constitutio Antoniana* не могло остаться и следа от этой теории ни в Юстиниановом праве, ни в Василиках; особенно ясно сформулирована Юстинианова конституция *de pundo ex jure Quiritium tollendo*⁹. Новеллы Юстиниана четко разграничивают государственную и частную собственность. Сам автор приводит положение из новеллы Льва VI о разграничении государственной и частной собственности при нахождении клада.

Нужно сказать, что в данном случае автор смешивает суверенитет с государственной собственностью. Государственные повинности налагаются государством в силу суверенитета, а не в силу государственной собственности на данную землю. А. П. Каждан ссылается, обосновывая свой тезис, на новеллу Льва VI № 114. Однако эта новелла говорит лишь о запрещении соседям препятствовать отчуждению земли. Слово *ὑποθήσιον* можно понимать только в смысле подчинения государству. (Но если даже и согласиться с А. П. Кажданом в отношении понимания слова *ὑποθήσιον*, то и в этом случае новелла не говорит в пользу автора: по грамматическому смыслу она будет касаться лишь лиц, живущих на землях, являющихся собственностью государства.)

Далее автор ссылается на новеллу Василия II об отмене 40-летней давности для возвращения казне принадлежавших ей имений. Уже одно упоминание об отмене права давности для государства говорит за то, что никакой теории государственной собственности на всю землю не существовало. В новелле объявляется о праве государя разыскивать принадлежавшую некогда казне землю, а не о праве налагать свою руку на любой участок земли! Тезис о государственной собственности на всю землю автору не удалось доказать. Он начисто отвел все четкие положения о разделении земли на государственную и частную. А отдельные случаи конфискации ничего не доказывают: подобные факты изъятия частной земли в пользу государства встречаются и в наше время в капиталистических странах в случае военной или какой-либо иной необходимости.

Стати, А. П. Каждан на стр. 141 (прим. 84) придает совершенно неправильный смысл словам Феофилакта Болгарского. Ведь когда тот говорит о *χρηματικά*, то имеет в виду не имущество, а доход. Смысл слов Феофилакта таков: пока государство касалось только доходов церкви (т. е. облагало налогами), мы страдали и терпели, но теперь же касается того, что принадлежит церкви. . . Феофилакт возвращается к теории о неприкосновенности церковных земель, что сформулировано в каноническом праве: ведь собственником церковных земель является не государство, а сам Иисус Христос! Автор говорит, что Феофилакт Болгарский не возражал против права императора брать в казну частную землю. Как видим, это не так. Автор не приводит и тех положений, в которых церковники явно протестуют против изъятий земель из владений церкви, ссылаясь на то, что государство не имеет права отнимать церковные земли. В этой связи можно вспомнить Иоанна Антиохийского и особенно Кавасилу¹⁰.

В монографии проводится мысль, что все крестьяне, уплачивавшие налоги и выполнявшие государственные повинности, являлись «государственными крестьянами», а в сущности государственными крепостными.

Автор прилагает всяческие усилия, чтобы доказать, что в Византии государственные налоги ничем не отличались от частновладельческой земельной ренты, что нужно считать феодально-зависимыми крестьянами и тех, кто платил оброк и выполнял барщину частному феодалу, и тех, кто платил подати государственным чиновникам.

⁹ Cod. Just., VII, 25.

¹⁰ DOP, XI.

Спрашивается, почему же так испугались монахи лавры св. Афанасия, когда узнали, что им придется платить налоги не казне, а брату императора Адриану (стр. 150)? Почему этот акт они сочли за лишение свободы и за превращение в париков — ведь сумма платежа не изменилась? Очевидно, люди того времени прекрасно понимали, что между налогом и платежом частному хозяину большая качественная разница!

Говоря о выполнении крестьянами государственных повинностей, А. П. Каядан старается изобразить это как феодальную барщину. Так, например, обслуживание населением государственной почты автор называет «государственной барщиной» (стр. 143). Трудно понять, почему употребляется слово «барщина». Если автор желает этим доказать феодальный характер повинности, то ведь подобное же обслуживание населением государственной почты, равно как и прочие повинности, существовало и в рабовладельческом обществе.

Положение о том, что византийская налоговая система коренным образом отличалась от позднеримской, слабо аргументировано. Те отличия, о которых говорит автор, несущественны, а основные повинности и налоги с земледельческого населения в принципе мало чем отличались от позднеримских.

Мы возражали бы и против употребления термина «централизованная рента». Такой термин уместен был бы, если бы под этим подразумевалось изъятие у землевладельца в пользу государства части получаемой им земельной ренты от зависимого крестьянина. Но А. П. Каядан употребляет это понятие в значении налогов с крестьянского населения. В данном случае понятие «рента» совпадает с понятием извлечения прибавочного продукта вообще, что неправомерно. Мы не видим никакого смысла понятие «налог» выражать словами «централизованная рента». Что налог есть изъятие прибавочного, а иногда и необходимого продукта у непосредственного производителя, — это ясно. Но непонятно, почему это — «рента». Ведь рентой называется та часть прибавочного продукта, который присваивается собственником земли. Налоги же государство собирало не как собственник земли, а в силу своего суверенитета. Понятие «централизованная рента» не разъясняет вопрос, а скорее запутывает. Применение термина «централизованная рента» может привести только к теории существования феодального строя во все времена, пока существует государство, поскольку без налогов не существует ни одно государство.

Далее автор приводит, по нашему мнению, парадоксальное утверждение, что в древне не размеры участка определяли ставку налога, а, наоборот, налог определял размер крестьянского участка. Но в «Трактате об обложении» совершенно ясно указывается, как определялся налог. Сначала производился обмер отдельных участков, из подсчета отдельных участков устанавливалось общее количество модиев, это количество сопоставлялось с общей податной суммой, и таким образом устанавливалось, сколько падает на каждого собственника. Другими словами, сколько земли у каждого в отдельности, такой и устанавливался налог. Тот пример, на который ссылается А. П. Каядан, имеет в виду раздел наследства, когда не было завещания и когда действительно раздел производился в соответствии с той суммой налога, выплачивать которую соглашался каждый наследник; совершенно естественно, что и принудительное распределение земли в качестве эпитафий производилось в соответствии с вносимой суммой налогов.

Нам непонятно положение автора (стр. 167), что «Византийское государство по существу разрушало общину, превращая ее в оплот деспотизма». Автор ссылается на Ф. Энгельса («Анти-Дюринг»). Но у Ф. Энгельса ничего не сказано о «разрушении» общины. Наоборот, Ф. Энгельс говорит о том, что там, где община сохранилась, она была основой самого грубого государственного строя, восточного деспотизма, и что только с разрушением общины начинается дальнейшее развитие. Совершенно невозможно согласиться с априорным положением о том, что государство в Византии, раз оно не было полностью уничтожено, оказалось врагом общины, причем более мощным, чем на Западе (стр. 23). Почему государственная власть должна в любом случае быть враждебна общине? Разве община, согласно учению марксизма, не является оплотом всякого деспотизма, застойности, изолированности и темноты? Государству эксплуататоров незначим было стремиться к уничтожению общины — наоборот, был смысл ее сохранить! Поэтому трудно согласиться и с оценкой в монографии новелл X в. А. П. Каядан приходит к парадоксальному выводу о том, что, запрещая динатам скупать крестьянские земли, «Византийское государство не только противодействовало процессу феодализации, но и, наоборот, будучи органом власти феодалов, прямо содействовало укреплению феодальных отношений в империи» (стр. 188). Нам хочется спросить автора: неужели феодалам-динатам после запрета скупать у крестьян земли стало легче укреплять крупное феодальное землевладение? Неужели феодальные отношения усилились в результате того, что многим бедным крестьянам возвращена была земля бесплатно, как это явствует из новелл? Мы полагаем, что из того факта, что государство — орудие класса эксплуататоров, вовсе не следует отрицать отдельные попытки маневрирования со стороны византийской администрации. Сам автор в другом месте признает мероприятия новелл X в. у с т у п к о й

крестьянству вследствие страха перед восстаниями. Но ведь всякая уступка в некоторой мере облегчает положение крестьян! Мы должны признать, что новеллы X в., безусловно, направлены были против феодалов-динагов. Другой вопрос, в чьих интересах — в интересах ли сохранения автократии или в интересах городской знати? Нельзя рассуждать о явлении только *ex eventu*. Разумеется, новеллы не в силах были преодолеть действия исторической закономерности. Препятствуя динагам приобретать крестьянские земли, новеллы представляли такие преимущества богатой прослойке деревни, что из земельной собственности, находившейся в ее руках, стали вырастать феодальные поместья. Анализ социального смысла новелл X в. заканчивается, к сожалению, только на новеллах Никифора Фоки и не затрагивает наиболее интересных новелл императора Василия II.

Говоря об иммунитете и экскуссии, А. П. Каждая исходит из той точки зрения, что иммунитет — особая форма внеэкономического принуждения, а не отщепление в пользу отдельных сеньоров функций государственной власти. Поэтому изъятия из налогового обложения, передачу господину права самостоятельно собирать налоги в своих владениях он не считает иммунитетом. Но разве этим самым не дается господину власть над населением? Разве благодаря этому не появляется у землевладельца новая форма внеэкономического принуждения? Нам кажется, что нельзя также финансовые льготы особо отделять от льгот судебного порядка. Ведь суд был тоже доходной статьёй в средние века! А освобождение феодала от налогов означало только то, что прибавочный продукт, создаваемый земледельцем, начал присваиваться иными путями, иными формами принуждения. Именно с точки зрения понимания автором иммунитета его утверждение о необходимости отделить экскуссию от иммунитета является весьма шатким.

Глава четвертая, посвященная некоторым особенностям развития византийского ремесла, представляет собой очень ценный обзор всех данных о состоянии техники ремесленного производства в Византии IX—XI вв. Автор привлек свидетельства нарративных источников и, что особенно важно, использовал археологические материалы. Можно сказать, что до сего времени ни в советской, ни в зарубежной историографии не появлялось в печати столь полного обзора.

В главе пятой, посвященной товарному производству, автор старается всячески преуменьшить роль товарно-денежного обращения в византийском городе. Непонятно, почему в примечании 7 (стр. 253) он считает противоречащим действительности положение Василия о том, что только та сделка признается законной, которая совершается при посредстве денег. Разве не ясно, что при отсутствии суммы, на которую заключается сделка, никакой табуллярий не мог оформить такого соглашения? А следовательно, никакого обращения в суд, кроме *peri bias*, при подобных незаконных сделках не могло быть.

Автор неправильно подходит к определению понятия византийской монополии в торговле каким-либо товаром (стр. 256). Непосредственный производитель, будь то крестьянин, рыбак или любой ремесленник, везде имел право продавать предметы своего производства. Но п р а в о п е р е п р о д а в а т ь, быть товарным посредником являлось предметом монополии. Нельзя отрицать, что только одним салдамариям предоставлялось право быть торговыми посредниками в отношении ряда товаров между производителем и потребителем: тот, кто не принадлежал к корпорации салдамариев, мог покупать только для своего потребления.

На стр. 298 делается несколько поспешный вывод о том, что производственный процесс, как правило, выполнялся одним и тем же мастером от начала до конца. Как известно из Книги Эпарха, производство шелковой одежды проходило через ряд мастеров и посредников.

К нашему удивлению, автор выдвигает вопрос о причинах существования в Константинополе в X в. развитого ремесла, т. е. стремится разрешить «проблему раннего развития ремесла» в Византии. По нашему мнению, такая проблема вообще не может существовать. Ремесло византийские крупные города унаследовали от позднеримского города. Автор, очевидно, забывает, что уже в IV в. Константинополь был «мастерской великокопья», как говорил Фемистий. А. П. Каждый всячески стремится отвергнуть преемственность между позднеримским Константинополем IV—VI вв. и Константинополем X в.!

Глава шестая посвящена социальной структуре византийского ремесла и торговли. Автор полностью отрицает наличие в Византии X в. даже в самом зачаточном виде пробивающихся элементов капиталистических отношений, тогда как К. Маркс в известном высказывании в «Формах, предшествующих капиталистическому производству», признавал возможность появления таковых в городах-эмпориях. Автор старается отвести такое предположение созданием идеального типа византийской эргастерии (стр. 309). Но он забывает, что нельзя унифицировать понятие эргастерии. «Эргастерия» бедняка катартария, который очисал шелк в своем жилом помещении, так же как и его будущий собрат чомпи очисал шерсть, совсем не походила на эргастерию аргиропрата и еще меньше на эргастерию серикария! И мы считаем, что наш

тезис, что «византийская корпоративность подготовила такие формы, которые оказались впоследствии приемлемыми для раннекапиталистических отношений», основан и на конкретном анализе данных Книги Эпарха, и на наличии юридических норм Василия (которые, к слову сказать, вовсе не отличаются от данных Книги Эпарха об эргастерии серикариев). Стремление А. П. Каждана преуменьшить размеры эргастерий серикариев вряд ли имеет основание: производство в эргастериях серикариев было связано с рядом последовательных процессов, что требовало наличия и наемных мистиев, и рабов, и надсмотрщика.

Археологические данные об эргастериях стеклодувов и кузнецов не могут быть абсолютизированы, особенно если речь идет о таком производстве, как производство шелковых тканей. Автор часто пользуется методом *ex silentio*. Он утверждает, например, что мировары не имели в своих эргастериях рабов. Почему? Разве существовало законодательство, запрещавшее какому-либо слою граждан иметь рабов? Или, если признать, что мировар, как и прочий гражданин Константинополя, мог иметь рабов, кто мог запретить ему использовать в производстве мира раба так, как ему хотелось? Некоторыми ремеслами рабам заниматься было запрещено. Но именно для таких случаев существовали особые оговорки, и они касались руководящего положения в эргастерии, а не использования труда рабов.

Положение автора о том, что торговцы льняными тканями имели в подчинении тканей полотен (стр. 331), не находит подтверждения в Книге Эпарха.

В главе шестой имеются некоторые натяжки в целях сближения византийских корпораций с западными цехами. Так, на стр. 320 говорится о запрещении мастерам перенимать чужих мистиев, причем на стр. 316 делается вывод о том, что эти запреты не отличаются принципиально от регламентации положения подмастерьев в западных цехах. Нам кажется, что, наоборот, в византийских корпорациях существовала полная свобода перехода мистия от одного хозяина к другому. Единственное, что требовалось (и что было вполне понятно), так это чтобы работник отработал ту заработную плату, которую получил за месяц вперед: при этом существовал запрет договариваться о работе на срок больше, чем на один месяц. Это свидетельствует о полной свободе для мистия переходить к другому хозяину.

Непонятна та настойчивость, с какой автор старается доказать, что статус ученика и мистия в византийской корпорации был одинаковым. Мистий, по Книге Эпарха, мог наниматься только на месяц, что совершенно нелегко для ученика, который определяется в учение на более длительный срок — на один—три года.

Последняя, седьмая глава посвящена социальным противоречиям в византийском обществе в IX—X вв. Автор совершенно прав, говоря об усилении централизованной формы эксплуатации крестьянства, которая при Романе Лакапине принимает завершённый вид. Именно это обстоятельство должно было привести автора к положению о борьбе налога с рентой.

Мы не согласны с положением о том, что Книга Эпарха была издана в результате какого-то демократического движения, руководимого торгово-ремесленной верхушкой городского населения. Кодификация законодательных актов была вообще характерна для того времени; отношение к ремесленно-торговому объединениям в Книге Эпарха было таким же, как и в новеллах Льва VI в начале его правления; запрещение значительным лицам заниматься предпринимательской деятельностью было старинной традицией Византии.

В главе подробно описываются все выступления крестьян в X в. Это ценная сводка истории классовых борьбы в Византии в момент наибольшего обострения противоречий как между эксплуататорами и эксплуатируемыми, так и между различными прослойками в среде господствующего класса.

Можно считать совершенно естественным, что в монографии А. П. Каждана с ее богатейшим материалом имеются некоторые спорные положения и выводы. Причиной этого является не только сложность поставленной задачи, но и то обстоятельство, что проблемы истории предшествующего периода (VII—середина IX в.) в советской исторической литературе недостаточно изучены. Безусловно, монография А. П. Каждана оставит значительный след в дальнейших работах византистов — как советских, так и зарубежных. Ни одна проблема внутренней истории Византии не может быть в дальнейшем изучена без учета того анализа, который проведен в данной книге А. П. Каждана.

Монография А. П. Каждана, разумеется, не может разрешить весь круг охваченных автором вопросов, но она является солидным достижением советского византиноведения.

М. Я. Сююмов